Современное крестьянское хозяйство в сельско-городской среде[1]

Т.Г. Нефедова

Татьяна Григорьевна Нефедова, доктор географических наук, главный научный сотрудник Института географии РАН, 119017, Москва, Старомонетный переулок, д. 29. E-mail: trene12@igras.ru

В статье рассматривается специфика современных российских хозяйств населения в условиях концентрации производства на крупных предприятиях и поляризации сельского пространства. Проводятся исторические параллели с крестьянскими хозяйствами начала и середины XX века. Показано, что многие факторы, определявшие нерыночность хозяйств населения более 100 лет тому назад, влияют на них и в настоящее время. Исследуются специфика современных личных подсобных и фермерских хозяйств, их основные типы. Выявляются их вариации в нечерноземных, южных и восточных регионах, в пригородах и на периферии. Среди факторов, влияющих на активность населения в своем хозяйстве, рассмотрены степень депопуляции сельского населения, его этнический состав. Показаны тесная связь активности хозяйств населения со специализацией крупных сельскохозяйственных предприятий и характер их взаимодействия. На территориях, откуда уходят неэффективные предприятия, они не замещаются мелкими хозяйствами. В целом постепенно снижается сельскохозяйственная активность хозяйств населения. Их землепользование отличается значительной долей неиспользуемых земель, за исключением некоторых южных районов и республик. Это говорит о том, что земельный фактор не самый главный в повышении активности мелких хозяйств. При этом интенсивность сельскохозяйственного землепользования горожан-дачников на своих участках в садовых товариществах высока, кроме пригородов Москвы и Санкт-Петербурга. Наиболее активными остаются либо хозяйства с повышенной товарностью, включая личные подсобные, но по сути теневые фермерские, либо совсем нетоварные, для которых важны крестьянские традиции и частичное самообеспечение.

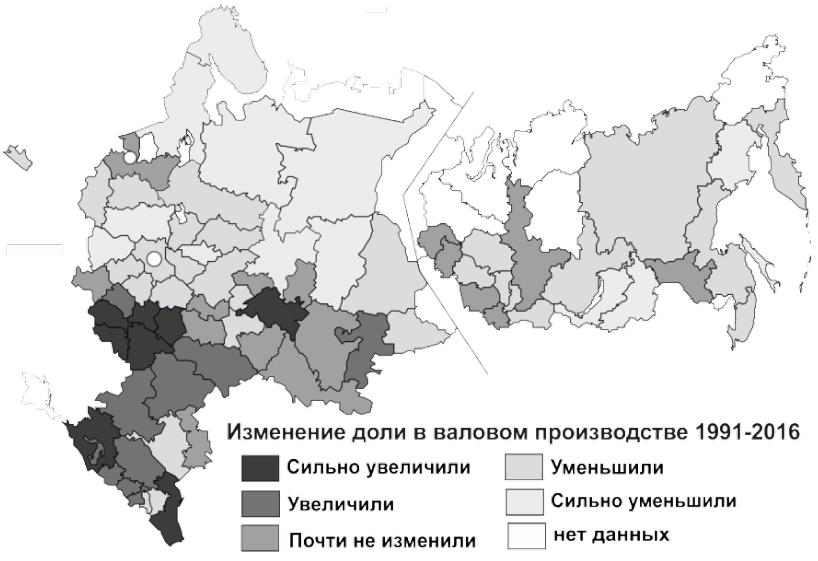
Ключевые слова: крестьянское хозяйство, предприятия, агрохолдинги, фермеры, личные подсобные хозяйства, горожане-дачники, землепользование, скот

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-1-117-140

Постсоветские годы характеризуются двумя важными для сельского хозяйства и сельской местности тенденциями. Первая связана с усилением в новых рыночных условиях дифференциации бывших советских предприятий, что привело к закрытию недееспособных

1. Статья написана по проекту РФФИ № 17-06-00396 «Социальные и природно-экологические факторы процесса урбанизации/дезурбанизации в современной России (междисциплинарный макро- и микроанализ)»

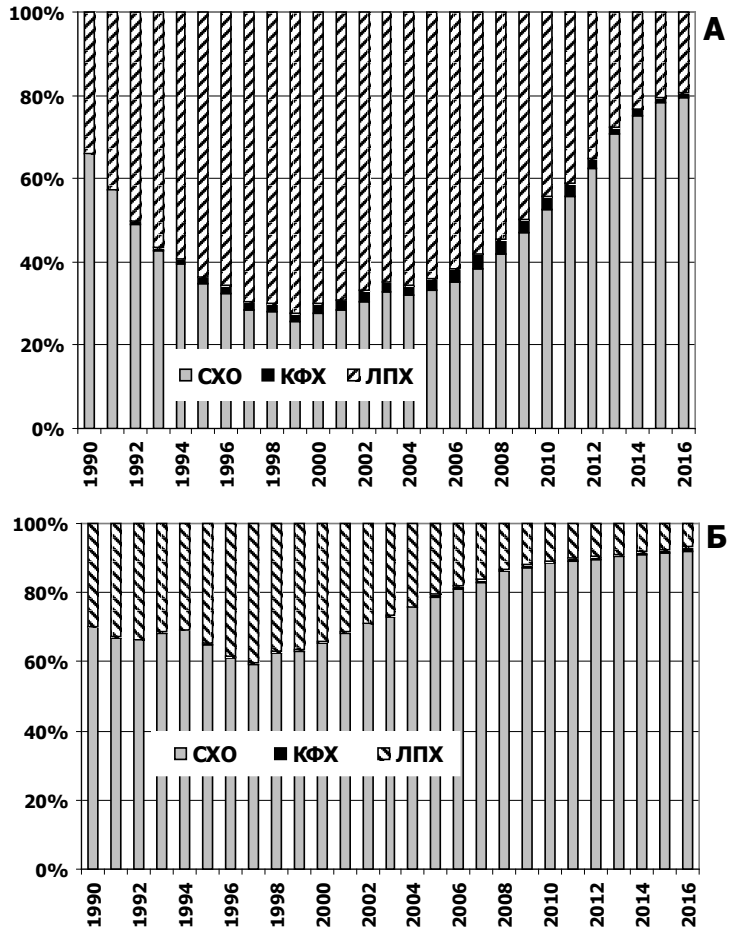
Рис. 1. **Изменение вклада регионов в сельскохозяйственное производство в 2016 г. по сравнению с 1990 г. Источник: данные Росстата**

предприятий, долгие годы сидящих на больших дотациях, и стимулировало более эффективные, правда, часто с изменением специализации. Это усилило поляризацию сельского пространства: сельское хозяйство «сдвинулось» в районы, где производство более эффективно и обеспечено природными и трудовыми ресурсами (рис. 1).Вторая тенденция связана с модернизацией выживших предприятий и появлением агрохолдингов, формирующихся не «снизу» от производителей, а преимущественно «сверху» — от пищевых предприятий, финансовых, государственных структур и т.п. (Нефедова, 2014). Объем инвестиций в отечественное агропроизводство стал расти после дефолта 1998 года, когда резко подорожал импорт и сравнительно небольшие вложения в сельское хозяйство, особенно растениеводство, свиноводство, птицеводство, давали прибыль с относительно коротким оборотом инвестиций (Никулин, 2005; Барсукова, 2016; Фадеева, 2015; Шагайда, Узун, 2015). Агрохолдинги, особенно занимающиеся птицеводством и свиноводством, и другие крупные сельскохозяйственные предприятия в последние годы вытесняют как малых производителей (рис. 2), так и предприятия среднего звена (в том числе птицефабрики) и, главное, не взаимодействуют с ними (Нефедова, 2017). В этом принципиальное отличие организации российского сельского хозяйства от европейских стран и США, где небольшие хозяйства встроены в работу крупных агрохолдингов (Наумов, 2014).

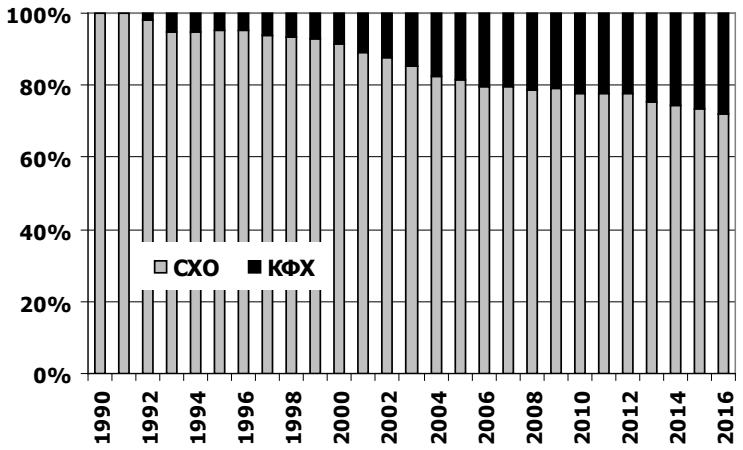
Благодаря лучшему техническому вооружению и индустриализации предприятий произошло повышение производительно-

Рис. 2. **Изменение структуры производства мяса по укладам с 1990 по 2016 год, % А — свинины, Б — птицы. СХО — сельскохозяйственные организации, включая агрохолдинги, КФХ — крестьянские фермерские хозяйства, ЛПХ — хозяйства населения. Источник: данные Росстата**

сти труда, частичное возвратное вовлечение в использование заброшенных в 1990-х годах сельскохозяйственных земель, увеличились урожайность культур и продуктивность скота. Россия выбилась в заметные экспортеры зерна после десятилетий его импорта, правда, за счет резкого уменьшения потребности в кормах из-за продолжающегося падения поголовья скота на предприятиях и неразвитости переработки сырья. Успешные сельскохозяйственные предприятия и агрохолдинги создают рабочие места со сравнительно неплохой для сельской местности зарплатой, но при этом им требуется гораздо меньше работников, чем советским колхозам.

Рис. 3. **Изменение структуры производства зерна по укладам с 1990 по 2016 год, % СХО — сельскохозяйственные организации, включая агрохолдинги, КФХ — крестьянские фермерские хозяйства, ЛПХ — хозяйства населения. Источник: данные Росстата**

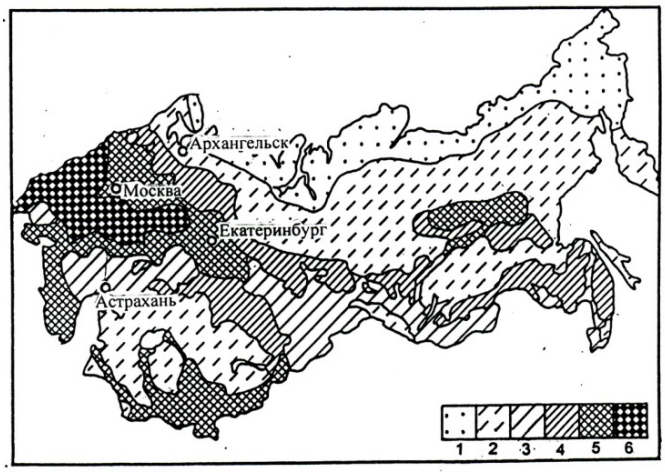

Бурный рост агрохолдингов в 2000-х годах привел к сильной зависимости ряда районов от одного-двух крупных предприятий. При этом экономическая поляризация усилилась: гигантские успешные предприятия сосуществуют рядом с порой убогими для самопрокорма хозяйствами населения, оставшегося без работы. Городские менеджеры агрохолдингов, как правило, не заинтересованы в развитии сельской местности и поддержке хозяйств населения, в отличие от бывших председателей колхозов (Нефедова, Пэллот, 2006). Роль нового для России фермерского хозяйства наиболее заметна в растениеводстве, особенно в производстве зерна, подсолнечника, сои, причем тоже на обширных площадях, что приближает наиболее успешные фермерские хозяйства с такой специализацией к крупным предприятиям (рис. 3).

Так или иначе, крупные производства все больше вытесняют сельские домохозяйства и небольшие хозяйства фермеров с рынка сельскохозяйственной продукции. В этой системе взаимоотношений невольно встает вопрос об изменении роли крестьянского хозяйства в современной России и его перспективах. При этом огромная территория и разнообразие условий ведения сельского хозяйства делают необходимым рассмотрение разных географических вариаций природных, экономических, социально-демографических, этнических предпосылок сохранения крестьянских хозяйств.

Статья основывается на данных Росстата, сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 годов, а также на некоторых опросах сельского населения, проведенных НИУ ВШЭ и Институтом со-

Рис. 4. **Заселение в начале XX века: 1 — отсутствие населения; 2 — промышленно-промысловое редкое заселение; 3 — обжитая зона с неплотным заселением; 4 — массовое заселение; 5 — сбалансированное заселение; 6 — избыточное заселение (Рыбников, 1928)**

циологии (Муханова, Жвитиашвили, Бессокирная, 2013). Не менее важны собственные обследования автором сельской местности во многих регионах России (Нефедова, Пэллот, 2006; Нефедова, 2013; Потенциал Ближнего Севера, 2014).

От крестьянских хозяйств начала XX века до современных фермеров и хозяйств населения

Александр Васильевич Чаянов был не только ярким представителем известной на весь мир российской аграрной школы начала XX века, но и писателем. В своей научно-фантастической повести «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» он описывает Россию в далеком тогда 1984 году. Сельское хозяйство будущего в его представлении основано на крестьянских хозяйствах с небольшими наделами в 3-4 десятины, где огромные «урожаи, дающие 500 пудов с десятины (нынешние 80 ц/га), достигаются чуть ли не индивидуализацией труда за каждым колосом», притом что в стране развиты наука и техника и у людей много свободного времени. В его утопическом государстве большая часть населения живет в сельской местности, в Москве всего 100 тыс. жителей, но при этом построено гостиниц на 4 млн человек. Все города небольшие, расположены недалеко друг от друга и доступны. Часть промышленности принадлежит кооперации, а в монополии государства находятся лишь лесная, нефтяная и каменноугольная индустрия.

Основу этой утопии составляли представления А.В. Чаянова об идеальном сельском хозяйстве в условиях (и это главное!) аграрного перенаселения в начале XX века, когда 85% населения жили в сельской местности. Особенно это касалось Центральной России (рис. 4). Нельзя забывать также, что на рубеже XX века 59% предприятий обрабатывающей промышленности и 61% рабочих также размещались в сельской местности» (Миронов, 2014: 829).

Самим крестьянам важнее прибыльности хозяйства, которая весьма неустойчива, были стабильность существования, удовлетворение минимальных потребностей и занятость трудоспособных членов семьи. Подсчеты А.В. Чаянова показывали, что около трети населения российской деревни — это лишние руки даже с учетом отходничества, которое занимало в разных районах от 4 до 20% трудоспособных (Чаянов, 1924). Занять и прокормить большие крестьянские семьи было главной заботой как главы семьи, так и сельской общины. И даже постепенное превращение натуральных хозяйств в товарные не направляло их массово по капиталистическому пути, в том числе с применением наемного труда, как в европейских странах. В 1909–1913 годах мелкие хозяйства давали 88% всего зерна и 78% товарного. Слабое развитие капитализма в России подчеркивает и Б.Н. Миронов: «Крестьянство до 1917 г. оставалось в имущественном и социальном отношении довольно однородной массой и лишь имело зачатки так называемого буржуазного расслоения» (Миронов, 1999: 125-128).

Для сохранения крестьянских хозяйств в первой половине XX века в стране сложились весьма неблагоприятные внутренние и внешние условия.

Внутренние причины были связаны с сутью российского крестьянского нерыночного хозяйства и его зависимостью от общины. Югославский экономист Р. Бичанич (Bicanic, 1972) еще в 1970-х годах сформулировал теорию поворотных пунктов в развитии сельскохозяйственного производства. На первой стадии при господстве натурального хозяйства и росте числа аграриев труд дает мало товарной продукции. Не столько доход и повышение производительности труда, сколько увеличение объема продукции является основной целью хозяйства. На второй стадии при сокращении аграриев в процессе урбанизации и уменьшении угодий из-за вывода труднодоступных и неплодородных земель начинается приток капиталов. На третьей стадии сокращение занятых идет активнее, а уровень интенсивности сельского хозяйства повышается. Усиливается роль капитала, земля превращается в товар. А.В. Чаянов описывал общество, находящееся на излете первой стадии, тогда как США, Швеция и другие страны уже подходили к третьей.

Возможно, Россия постепенно прошла бы все стадии, но на это ушло бы на порядок больше времени. Ведь английским ферме-

рам после аграрного переворота потребовалось не одно столетие, чтобы стать такими, какие они есть сейчас. К тому же роль общины в сельской России была очень велика, что тормозило развитие капиталистических отношений, причем ее влияние после революции 1917 года только усилилось. Даже рабочие коллективы, во многом состоящие из крестьян, воспроизводили крестьянский уравнительный менталитет и элементы сельской общины (Миронов, 1999: 344).

Внешним по отношению к крестьянству вызовом была задача новой власти провести форсированную индустриализацию. В аграрной стране власти могли быстро получить средства только путем ограбления деревни, как финансово-экономически — путем образования колхозов и их полного контролирования, а также выкачиванием трудовых ресурсов по оргнабору на предприятия в сочетании с новым закрепощением крестьян. Несмотря на отсутствие паспортов, люди находили пути бегства из деревни помимо оргнабора: через армию, обучение, неформальную занятость. Все вместе это только усилило урбанизацию, превратив многие перенаселенные в начале XX века староосвоенные сельские районы к концу XX века почти в социальную пустыню.

Как известно, во время коллективизации, ставшей жестоко-карикатурным воплощением общины, товарное частное хозяйство было практически истреблено. Тем не менее и советское сельское хозяйство на протяжении всей своей истории совмещало колхозно-совхозные и мелкие личные подсобные хозяйства. Последние требовались населению советской России хотя бы для элементарного выживания — как в период становления социализма в первой половине XX столетия, так и в период его увядания и распада к концу прошлого века. Практически воплотилось то, что в теории называется биполярным эволюционизмом (Redfield, 1973: 140-142; Муханова и др., 2013: 39), когда развитие происходило не как переход от одной стадии к другой, а системы, свойственные каждой стадии, сосуществовали одновременно.

Еще в 1928 году 96% посевных площадей использовали единоличные крестьянские хозяйства. К 1940 году, по статистике, у них осталось 4%, к 1958-му — 2% (Народное хозяйство, 1959: 225). Однако эти цифры всегда вызывали у исследователей недоумение, поскольку не вязались с другими. В том же 1940 году колхозы и совхозы произвели лишь 35% мяса и 30% молока, остальное дал частный скот населения. Роль личного подсобного хозяйства в питании в советский период была очень важной не только из-за дефицита продовольствия в деревне, но и из-за тесных связей горожан с сельской родней, снабжавшей их продуктами.

Опросы населения показывают, что ужасы коллективизации забываются, а позднесоветская система с максимальным субсидированием сельского хозяйства, сравнительно высокими зарплатами, на которые можно было съездить в город за продуктами, и личным

подсобным хозяйством, из сегодняшнего дня многими считается «золотым веком». По сравнению с резким повышением цен в 1990-х, закрытием местообразующих предприятий на селе, безработицей и неуверенностью в завтрашнем дне этот период действительно выигрывал и воспринимается как эра социальной справедливости (Нефедова, 2013; Хамфри, 2010: 178).

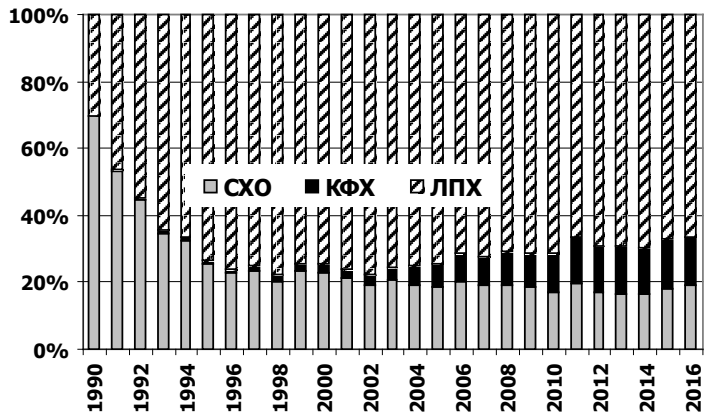
Постсоветские хозяйства населения и их географические вариации

В 1990-е годы доля индивидуальных хозяйств в производстве товарной сельхозпродукции увеличилась с 25 до 50%, а в некоторых регионах и до 70–80%[2]. Однако это связано не столько с ростом производства индивидуального сектора, сколько с сокращением производства на крупных и средних предприятиях. Абсолютный рост производства в хозяйствах населения (до 120 % к уровню 1990 года) имел место лишь в 1991–1992 годы и был вызван дефицитом продовольствия. Особенно велика доля хозяйств населения в производстве картофеля и овощей в связи с тем, что их производство резко уменьшилось на предприятиях (рис. 5).

Если относиться к сельскохозяйственных предприятиям только с точки зрения экономики, то существование многих из них в 1990-х годах в состоянии фактического банкротства трудно объяснить. При этом люди ходили на работу, когда им месяцами не платили зарплату. Причина была в сложившемся еще в советское время симбиозе коллективного и индивидуального секторов. Натуроплата за работу и земельные паи удерживали население на предприятиях, которые оказывали и много иных услуг, поддерживающих своих работников: продажа некоторых продуктов и молодняка скота по сниженным ценам, ветеринарные услуги, предоставление техники за небольшую плату. Относительно оборота предприятий эти затраты, по оценкам их руководителей, могут составлять от 3 до 40% всех затрат предприятий в зависимости от его состояния (Нефедова, Пэллот, 2006). Вместе с привычной возможностью почти или совсем бесплатно пользоваться колхозным имуществом и частью продукции, натуроплата стимулировала индивидуальное животноводство (корма в счет зарплаты, заготовка сена с помощью предприятий) и картофелеводство (использование техники предприятий). Во многих местах, особенно на юге европейской части страны, в Поволжье и Сибири эти отрасли стали товарными в мелких хо-

2. Эта доля, возможно, завышена. Если в советское время предприятия стремились улучшить свою отчетность, то в 1990–2000 гг. и крупные предприятия, и фермеры, стараясь уйти от налогов, всячески уменьшают объемы производимой продукции.

Рис. 5. **Изменение структуры производства овощей по укладам с 1990 по 2016 год, % СХО — сельскохозяйственные организации, включая агрохолдинги, КФХ — крестьянские фермерские хозяйства, ЛПХ — хозяйства населения. Иточник: данные Росстата**

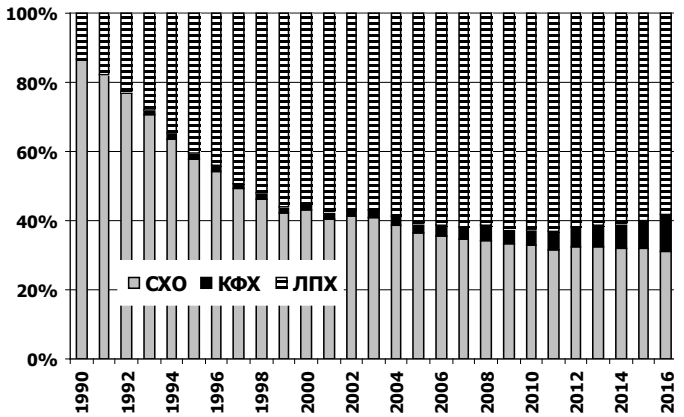
зяйствах, превратившись зачастую в единственный источник реальных денежных доходов жителей.

Крупный рогатый скот при продолжающемся сокращении поголовья в меньшей степени, чем свиньи и птицы, концентрируется на крупных предприятиях и все еще играет важную роль для сельского населения (рис. 6). До 2005 года они производили более половины мяса. К 2017 году с восстановлением птицеводства и свиноводства в агрохолдингах доля хозяйств населения, по данным Росстата, упала до 24%. Однако они все еще, по данным Росстата, держат 43% всего поголовья КРС, в большей степени для производства молока и молокопродуктов (44% всего производства).

При низких зарплатах в сельской местности и повышенной незанятости сельского населения самообеспечение населения продовольствием, казалось бы, должно играть большую роль там, где более существенен кризис сельского хозяйства, то есть в районах Нечерноземья. Однако в регионах, откуда ушли сельскохозяйственные предприятия, хозяйства населения отказываются от животноводства, несмотря на увеличение кормовой базы для выпаса скота на заброшенных сельскохозяйственных землях (рис. 7). Местные бабушки часто вспоминают, как во времена их молодости они боролись за каждый квадратный метр покоса для своих коров, а теперь и травы полно, но никому она не нужна, хотя населения в трудоспособном возрасте немало.

Процесс сокращения поголовья продолжается. За последние 11-12 лет многие хозяйства населения уменьшили поголовье наполовину и более (рис. 8). То же происходит и с поголовьем свиней в хозяйствах населения (рис. 9). Более того, при появлении в районе крупного производителя населению часто запрещают держать

Рис. 6. **Изменение структуры производства мяса говядины по укладам с 1990 по 2016 год, % СХО — сельскохозяйственные организации, включая агрохолдинги, КФХ — крестьянские фермерские хозяйства, ЛПХ — хозяйства населения. Источник: данные Росстата**

в своих хозяйствах свиней из опасения распространения заболеваний животных.

Столь явные географические различия при одних и тех же институциональных и макроэкономических условиях можно объяснить несколькими факторами.

Главный фактор, ограничивающий потенциал современных хозяйств населения в староосвоенных регионах Центральной России, — степень депопуляции сельского населения, влияющая не только на количество, но и на качество человеческого капитала, зависящего от демографической структуры, активности сельских жителей, социальной среды. При прочих равных условиях длительный отток молодой и наиболее активной части населения нечерноземных староосвоенных регионов в города (рис. 10) привел к увеличению доли старшего поколения, снижению мотивации труда при обилии земли, появлению социальных патологий, включая алкоголизм. Особенно сложная ситуация на периферии регионов. Хозяйства населения ограничиваются здесь минимальным самообеспечением картошкой и овощами и тесной связью с детьми в городах при их помощи и поставках им части продукции. И даже сильное уменьшение рабочих мест в сельской местности из-за закрытия многих сельскохозяйственных предприятий и свертывания бюджетной сферы при объединении поселений не стимулируют местное население к активизации своего хозяйства. Опросы на периферии Костромской области показали, что лишь 14% домохозяйств готовы увеличить производство на своем участке, даже если получат беспроцентные кредиты или иное денежное вспомоществование (Потенциал, 2014: 62). Товарные хозяйства в таких районах

Рис. 7. **Поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах населения на 100 сельских жителей старше 15 лет, на 01.01.2017. Источник: данные Росстата**

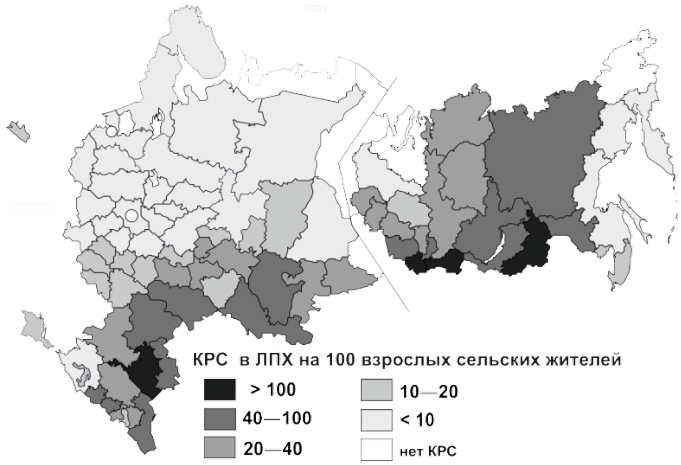
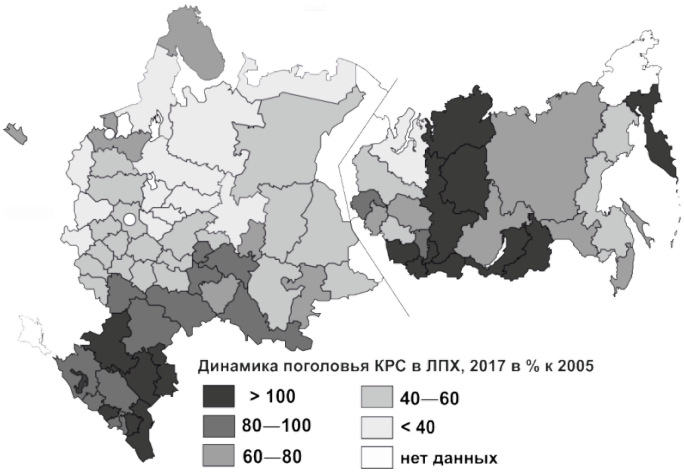

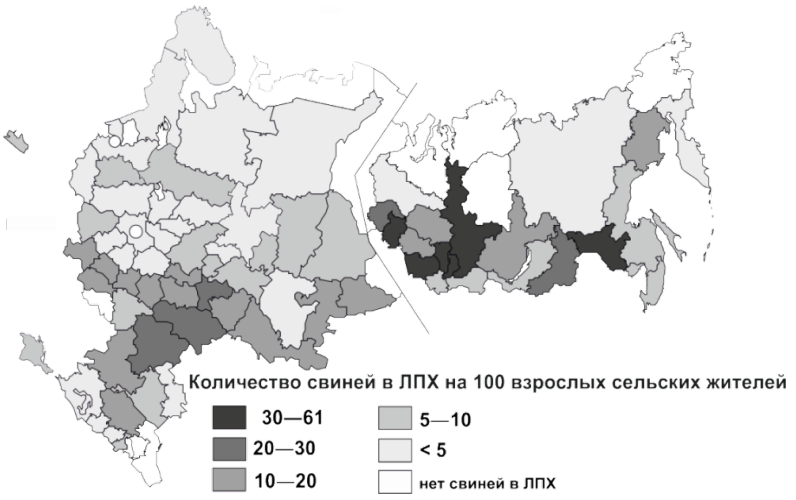
Рис. 8. **Динамика поголовья крупного рогатого скота в хозяйствах населения, 2017 год, % к 2005 году. Источник: данные Росстата**

организуют преимущественно приезжие. Оставшееся в меньшинстве реально работоспособное население предпочитает трудиться на отходе или уезжает в города, в том числе убегая от деградировавшей социальной среды.

При отсутствии капитала и кредитов мелким хозяйствам своеобразным капиталом для них и в постсоветское время оставались ресурсы сельскохозяйственных организаций. Особенно это характерно для южных зерновых регионов, куда сдвигается основная

Рис. 9. **Поголовье свиней в хозяйствах населения на 100 сельских жителей старше 15 лет, на 01.01.2017. Источник: данные Росстата**

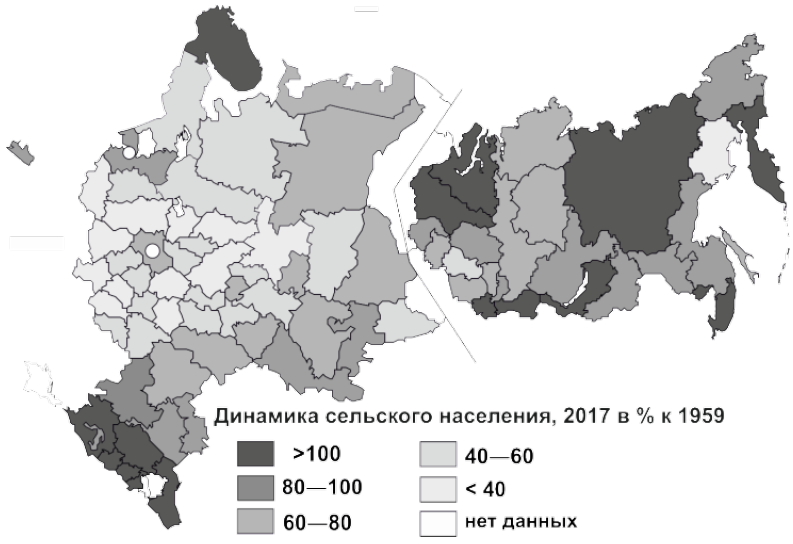
сельскохозяйственная зона России и где работают самые разные производители, включая крупные предприятия, агрохолдинги, фермерские хозяйства. Южные регионы потеряли гораздо меньше сельского населения и продолжают привлекать мигрантов, что также влияет на трудовую мотивацию в своем хозяйстве, которое кроме самообеспечения может давать доход, сопоставимый с зарплатой. Главным ограничителем товарности хозяйств населения, в том числе животноводства, на юге европейской России служит борьба за землю. Поэтому в менее населенных засушливых зерновых регионах на юго-востоке, где возможен и выпас скота, население держит больше крупного рогатого скота, особенно овец.

Помимо трудовых, природных ресурсов и помощи агропредприятий на развитие животноводства в хозяйствах населения влияют также национальные традиции — животноводческое направление характерно для многих южных и восточных регионов, особенно республик (см. рис. 8).

В России долгие годы шла борьба за изменение законодательства и наделение сельских жителей землей с целью активизации товарности их личных хозяйств. Приведенные примеры показывают, что сама по себе земля не является ключевым фактором без сочетания с другими факторами. При резком уменьшении площади используемых земель предприятиями хозяйства населения формально продолжают использовать очень мало земли (рис. 11).

На самом деле они используют гораздо больше земель, чем за ними числится. Более того, последняя сельскохозяйственная перепись показала значительную долю неиспользуемых земель, перешедших к населению, включая земельные паи (Узун, 2017).

Рис. 10. **Динамика сельского населения в регионах России во второй половине XX — XXI века**

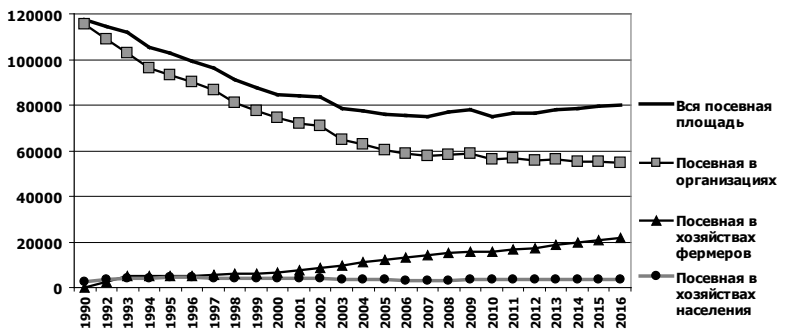

Реально население обычно использует три вида только пашни: земли при усадьбе, т. е. вокруг дома (в собственности), за околицей села — под огороды (чаще арендованные) и в поле (обычно земли, выделяемые во временное пользование предприятиями или заброшенные ими). Кроме того, они выпасают свой скот на землях поселений или предприятий (Нефедова, Пэллот, 2006). Если принимать во внимание натуроплату и плату за земельные доли в некоторых районах, расчеты площади, которой косвенно пользуется население, должны включать и часть площадей предприятий, где выращивается зерно или сено для скота жителей. Географические различия здесь тоже важны. Земельные проблемы чаще возникают в южных и пригородных районах с высокой плотностью сельского населения, где встречается и насильственный отъем привычного землепользования застройщиками или агрохолдингами.

Гораздо более важное ограничение для развития хозяйств населения — отсутствие внимания властей к стимулированию организации сбыта продукции после исчезновения потребкооперации и системы сдачи части продукции колхозам и местным пищевым предприятиям.

Помимо общих закономерностей для России характерно формирование отдельных очагов товарного частного хозяйства, многие из которых имеют исторические корни, что говорит все-таки о живучести классического крестьянского хозяйства. Сохранились даже бренды таких районов: Ростовский лук в Ярославской области, Луховицкие огурцы в Подмосковье, Рязанская квашеная капуста, Кинель-Черкасские помидоры в Самарской области и дру-

Рис. 11. **Посевная площадь с 1990 по 2016 год в России в целом и в разных категориях хозяйств, тыс. га. Источник: данные Росстата**

гие. Их примеры подробно рассматривались нами (см.: Нефедова, Пэллот, 2006; Нефедова, 2013). Однако былого размаха не наблюдается даже в них.

Современные фермеры — кто они?

Когда в России начинались реформы, у многих были иллюзии, что стоит ввести рыночные отношения и дать крестьянам свободу выбора, колхозы исчезнут и все станут вести крестьянское фермерское хозяйство. Однако уже через 10 лет после начала реформ, опросы показывали, что даже после тяжелого кризиса коллективных предприятий 80% их работников по-прежнему ориентированы на наемный труд на предприятиях (Калугина, 2001: 57), предпочитая сочетать, как и раньше, работу в колхозе со своим личным подворьем. Нишу, которая предназначалась реформаторами для специализированного фермерства, заняли хозяйства населения, в том числе товарные.

Современные российские фермеры настолько различаются по размеру хозяйств, их организации и результатам, что отличить их от других производителей в реальной жизни уже сложно. Ясно только, что надежда на их ведущую роль, как на Западе, не оправдалась.

При появлении массы льгот фермерским хозяйствам в начале 1990-х годов их численность выросла очень быстро, причем не только за счет сельских жителей, решившихся начать или расширить свое товарное хозяйство, но и городских романтиков, спекулянтов и т.п. Ведь получить землю из фонда перераспределения горожанам было даже легче, чем местным жителям «выцарапать» свой пай из колхоза. Максимальной численность фермерских хозяйств в России была в 1995 году (280 тыс.), с тех пор она постепенно уменьшалась, а последняя сельскохозяйственная перепись 2016

года показала, что в России всего 137 тыс. хозяйств. Еще 38 тыс. индивидуальных предпринимателей (ИП). Сельскохозяйственную деятельность осуществляют только 2/3 и тех и других, что очень мало при 17,5 млн личных подсобных хозяйств населения (Всероссийская сельскохозяйственная перепись, 2017, т. 1). При этом площадь земель, используемых фермерами и ИП, занимающимися сельским хозяйством, все время возрастала, достигнув в 2016 году 43 млн га, в том числе 27 млн га пашни и 22 млн га посевных площадей (рис. 11).

В южных зерновых районах, особенно в засушливых, где слабее предприятия, резко усилилась роль фермеров. Они стали реальными конкурентами сельскохозяйственных организаций, причем не только как производители, но и в борьбе за аренду земельных паев населения. При ослаблении роли крупных предприятий повысилась роль фермеров и как организаторов местной жизни.

Доля фермерского скота в общем поголовье скота и доля фермеров в производстве животноводческой продукции мала (см. табл. 2) — подавляющая часть частного скота концентрируется в хозяйствах населения. Зато участие фермеров в производстве зерна существенно — 28% в среднем по России и до 40–50% в некоторых регионах южного Поволжья и Сибири. Еще выше их доля в производстве подсолнечника. Фермеры как типично рыночные производители занимаются наиболее прибыльными культурами, 67% всех фермерских посевных площадей засеяны зерновыми, причем средний размер посевной площади фермерского хозяйства составляет более 313 га. Опросы общественного мнения в сельской местности еще в 1980-х годах показывали, что вести самостоятельное хозяйство хотели бы только 10–15% сельских жителей. Эти 10% — в основном бригадиры, агрономы и даже бывшие председатели колхозов, т. е. люди, уже имеющие опыт организационной работы, и составили костяк фермерских хозяйств. Подавляющая же часть сельских жителей оказалась не готова к экономическим рискам и самостоятельности.

Среди реально работающих фермерских хозяйств также можно выделить разные типы (Нефедова, Пэллот, 2006; Нефедова, 2013):

1. Фермы-колхозы, с похожей управленческой структурой, сравнительно большим числом занятых и площадью обрабатываемых земель, не уступающие некоторым средним и крупным сельскохозяйственным организациям. Их организуют обычно бывшие руководители колхозно-совхозной администрации, приватизировавшие часть колхозной техники и помещений.

2. Фермы с работниками (обычно с 10–20) представляют новый тип хозяйств. Их земли (от нескольких сотен до тысячи гектар) взяты в аренду у населения и менее успешных фермеров, частично из фонда перераспределения земель. Чаще всего такие хозяйства формируют бригадиры или сельские специалисты.

3. Мелкие фермерские хозяйства без постоянных работников или с одним-двумя работниками, которые обычно занимаются ово-

щеводством или скотоводством. Их больше по числу, но их вклад в производство фермерской продукции невелик. Среди них много мнимых фермеров — хозяйств, которые либо сдали свою землю в аренду, либо ведут типичное подсобное малотоварное хозяйство и не отчитываются. Резкое уменьшение числа фермерских хозяйств почти на 100 тысяч между сельскохозяйственными переписями связано скорее всего с тем, что часть таких хозяйств Перепись 2016 года перестала учитывать как фермерские.

Как и для сельскохозяйственных организаций, для фермерских хозяйств характерны процессы концентрации земель и поляризации хозяйств. Кооперация фермеров развита слабо, хотя в каждом районе обычно есть Ассоциация фермерских хозяйств. Возможности и желание кооперироваться зависят от некоторого уровня критической массы реально работающих фермеров. В тех районах, где их много, например, в Поволжье, на юге Сибири, наблюдаются ростки снабженческо-сбытовой и финансовой кооперации.

Отчасти небольшое число реально работающих фермерских хозяйств можно объяснить их принципиально иной по сравнению с хозяйствами населения мотивацией. Главными мотивами у фермеров являются «стремление к независимости, самостоятельности в хозяйственных делах, возможность реализации собственных планов, карьерные устремления» (Калугина, 2003), что далеко от типичных для российских крестьянских хозяйств мотивов выживания и даже стремления улучшить свое экономическое положение.

Одна из основных причин экономической пассивности сельских производителей — институционально-психологическая, которая и прежде и теперь воспроизводит определенный тип сельского работника с ориентацией на самодостаточность, адаптивность, с боязнью рисковать. К. Хамфри считает, что причина состоит в характере отношений работников с находящимися «над ними» структурами (прежде общиной, потом колхозом, государством): они чувствуют себя несамостоятельными хозяйственными единицами, формируются отношения патронажа (Хамфри, 2010: 195). Но психология зависимости и выживания не предполагает свободы действий, а следовательно, не ведет к развитию (Сен, 2004). Переход от личного подсобного хозяйства к фермерству — это не только проблема земли, собственности и т.п. Это смена поведения от приспособительно-пассивного к активно-рыночному, шаг от несвободы к свободе (Нефедова, 2013: 141).

Города и хозяйства населения

В России при сравнительно слабой освоенности пространства города, особенно крупные, оказывают огромное влияние на сельскую местность. Пригородно-периферийные различия внутри регио-

нов в Нечерноземье и на востоке страны сильнее межрегиональных (Нефедова, 2012). В европейской части России в пригородах, то есть на удалении 30–40 км от города, живут 15% сельского населения, а в Нечерноземье — 27%[3]. Еще четверть живет в районах-соседях второго порядка (до 60 км) от большого города. Вместе эти районы составляют всего 10–15% территории регионов. Остальные жители рассредоточены на большой территории с пониженной плотностью и оттоком сельского населения в города, особенно молодежи (Карачурина, Мкртчян, 2016). В южных регионах с более плотным сельским расселением пригородно-периферийные различия не так велики, хотя и там пригороды концентрируют 12% населения на 6% территории. Для более молодого и активного населения вблизи городов характерны и более рыночные хозяйства, тем более что рядом городские рынки. Здесь, несмотря на тесноту землепользования, больше фермеров, индивидуальных предпринимателей. Сюда же идут инвестиции из городов в крупные предприятия, включая агрохолдинги.

Но главное влияние городов на сельскую местность связано с выездом горожан на дачи. Число участков в садоводческих, дачных, огородных товариществах достигает 12,8 млн. К ним добавляется еще 6 млн участков при индивидуальном жилищном строительстве (ИЖС), в т.ч. в коттеджных поселках горожан, и участки тех горожан, которые вышли из СНТ и ДНТ (Всероссийская сельскохозяйственная перепись, 2017, т. 1). Это сопоставимо и даже превышает число личных подсобных хозяйств сельских жителей (17,6 млн). Если в ЛПХ, по данным переписи, сельскохозяйственную деятельность осуществляет 79% владельцев участков, то в садоводческих товариществах сельским хозяйством занимаются 91%, в дачных товариществах и на индивидуальных участках — около 70%. Однако все зависит от местоположения региона и величины города. В Московской области доля сельскохозяйственных культур невелика не только в СНТ и ДНТ, но и в личных подсобных хозяйствах (табл. 1), что говорит о том, что владельцы значительной части деревенских участков и домов реально дачники или они работают в Москве, отказываясь от сельского хозяйства. А южнее, начиная с Центрального Черноземья, население использует свои участки гораздо интенсивнее как для выращивания культур, так и для заготовки сена и выпаса скота. Но есть два факта, на которые следует обратить внимание. Первый — это гораздо более интенсивное использование земель горожанами под посевы культур и многолетники в садоводческих товариществах, чем сельскими жителями своих участков. Это связано, в частности, с гораздо меньшей общей площадью земель в ЛПХ и СНТ, различающейся на порядок (12 млн и 1,2 млн га).

3. В Московской области к пригородным отнесены муниципальные районы 1-3-го порядка соседства со столицей.

Таблица 1. **Структура использования земельной площади гражданами в личных подсобных хозяйствах (ЛПХ) и в садоводческих товариществах (СНТ) по федеральным округам в 2016 г.**

Федеральные округа	Постройки, газоны и цветы		Посевы культур и многолетники		Сенокосы и пастбища		Неиспользуемые земли	
	ЛПХ	СНТ	ЛПХ	СНТ	ЛПХ	СНТ	ЛПХ	СНТ
Центральный	10,7	48,3	32,6	43,6	10,7		43,1	8,0
в т.ч. Нечерноземье без Московской области	9,7	33,9	10,8	54,4	13,5		57,2	11,7
Московская область	34,1	68,7	16,3	23,8	2,8		42,0	6,5
Центральное Черноземье	9,0	16,3	56,7	80,6	4,3		24,3	3,1
Северо-Западный	9,8	55,7	10,4	36,5	25,1		52,9	7,8
в т.ч. Ленинградская обл.	37,7	66,6	20,8	27,8	5,7		32,2	5,5
Южный	5,4	33,0	13,9	55,6	53,8		21,7	11,5
Сев.-Кавказский	6,7	27,2	42,4	61,2	41,8		7,4	11,4
Приволжский	5,7	32,5	21,7	59,4	32,1		38,8	8,1
Уральский	8,0	30,9	42,6	60,3	26,5		20,4	8,8
Сибирский	2,8	29,0	7,3	62,8	62,3		26,8	8,2
Дальневосточный	8,4	34,1	12,8	57,9	66,5		10,1	8,0
Россия в среднем	5,9	39,2	19,3	52,4	41,9		30,7	8,4

Источник: Всероссийская сельскохозяйственная перепись, 2017, т. 2

Второй — большая доля неиспользуемых сельскими жителями земель, особенно в Нечерноземье, но также и в других регионах, кроме Северного Кавказа. Это лишний раз указывает на то, что земельные проблемы отнюдь не главные в повышении активности хозяйств населения.

Таким образом, крестьянские корни все еще сильны даже в городских жителях, что же говорить о сельских.

Кого в России можно считать крестьянами?

Опубликованные итоги сельскохозяйственной переписи 2016 года позволяют сравнить разные уклады (табл. 2) и понять, кто является реальным сельскохозяйственным производителем: крупные предприятия — наследники колхозов и совхозов (в эту же группу статистика и перепись включает сельскохозяйственные подразделения агрохолдингов), новый вид частных хозяйств (фермеры и индивиду-

Таблица 2. **Некоторые показатели разных типов сельскохозяйственных производителей, включая сельских и городских жителей**

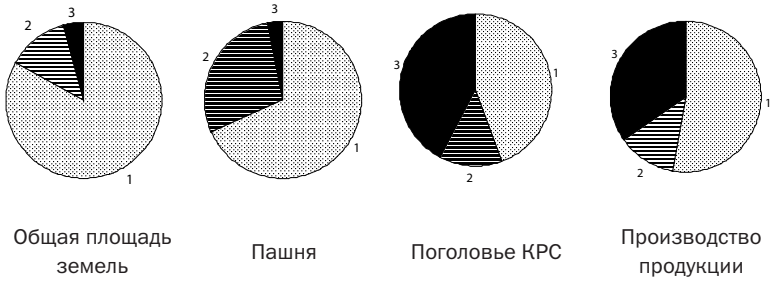
	Крупные и средние предприятия	Малые предприятия	КФХ	ИП	ЛПХ	ИЖС и граждане	Товарищества: СНТ, ДНТ, огороды
Число владельцев земель, тысяч	7,6	24,3	136,7	38,1	17 553,3	5 942,8	12 785,8
в т.ч. осуществляющие с-х деятельность, %	79	76	66	67	79	76	89
Число работников, тыс.,	1007,7	378,8	301,5	76,4			
в т.ч. наемных	873,1	359,8	82,1	13,7			
Площадь земель, тыс. га	200 925	80 922	37 878	5434	12 017	1083	1152
в т.ч. пашни, тыс. га	34 142	29 625	23 645	3201	2412	273	202
посевной, тыс. га	29 448	24 394	19 344	2657	2159	228	202
Поголовье КРС, тыс. гол.	5564	2923	2276	288	7462	622	2,5
свиней, тыс. гол.	17 460	1330	403	92	3557	253	2,4
овец и коз, тыс. гол.	1344	3526	9237	537	10 749	1099	9,2

Источник: Всероссийская сельскохозяйственная перепись, 2017, т. 1

альные предприниматели) или мелкие хозяйства населения — преемники крестьянских хозяйств начала века.

Рисунок 12 позволяет сравнить их землепользование и вклад в производство, сгруппировав в три основные группы: 1 — СХО (крупные, средние и малые предприятия), 2 — фермеры и индивидуальные предприниматели, 3 — население (ЛПХ, индивидуальные участки граждан, садоводческие, дачные и огородные объединения). Он показывает, что наиболее землерасточительными остаются сельскохозяйственные организации, которые до сих пор держат в 3 раза больше земель, чем составляют их реальные сельскохозяй-

Рис. 12. **Доля разных производителей сельскохозяйственной продукции: 1 — СХО (крупных, средних и малых предприятий), 2 — фермеров и индивидуальных предпринимателей, 3 — населения (ЛПХ, ИЖС и граждан, садоводческих, дачных и огородных объединений). Рассчитано по: Всероссийская сельскохозяйственная перепись, 2017**

ственные угодья. По площади пашни с ними уже начинают конкурировать фермеры, занимающиеся растениеводством, особенно в юго-восточных регионах. Такие землеемкие фермеры с наемными работниками, ставшие за постсоветские годы хорошими менеджерами, олицетворяют уже западный капиталистический тип хозяйства. Но мелкотоварный крестьянский тип хозяйства еще жив, что хорошо видно и по доле скота у населения, и по его вкладу в общее производство. При этом пространственная поляризация по всем этим показателям усиливается.

В начале 2000-х годов мы пытались с помощью опросов населения в разных регионах России понять мотивацию его сельскохозяйственной деятельности (Нефедова, Пэллот, 2006). В наших анкетах был и такой вопрос: «Как бы вы вели свое хозяйство, если бы зарплату или пенсию вам повысили в 5 раз?». Именно такой гипотетический доход можно было считать сносным для жителей деревни. Если люди ведут свое хозяйство в целях выживания, то при подобных доходах они должны были бы его свернуть. Самыми устойчивыми оказались два типа хозяйств населения: с повышенной товарностью, особенно специализированные, и абсолютно нетоварные хозяйства. И те и другие в большинстве своем сохранили бы ту же специализацию. Владельцы первых — потому что, по сути, являются неформальными фермерскими хозяйствами, хотя и «окуклившимися» в приусадебном пространстве, и потому, что для них это основная работа. Владельцы вторых — потому что традиционно привыкли использовать землю для собственного пропитания: так надежнее. Тот факт, что в последние годы быстрее всего снижалось производство именно в средних хозяйствах населения, подтверждают и другие опросы (Муханова и др., 2013: 195-199). Таким образом, мотивация сельскохозяйственной деятельности населения, не только сельского, но и городского, носит двоякий характер. Она лишь отчасти связана со стремлением

улучшить свое материальное положение. Все еще велика роль традиций и социальных эстафет, хотя очевидно, что роль этих факторов постепенно убывает.

Библиография

Барсукова С.Ю. (2016). Дилемма «фермеры — агрохолдинги» в контексте импортозамещения // Общественные науки и современность. № 5. С. 63–74.

Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года (2017). Том. 1. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по Российской Федерации РФ. М.: ИИЦ «Статистика России».

Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года. (2017). Том. 2. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по субъектам РФ. М.: ИИЦ «Статистика России».

Калугина З.И. (2001). Парадоксы Аграрной реформы в России: Социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН.

Калугина З.И. (2003). Сельское предпринимательство в современной России: институциональные основы и социальные практики // Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука.

Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. (2016). Роль миграции в усилении контрастов расселения на муниципальном уровне в России // Известия РАН. Серия География. С. 46–59.

Миронов Б.Н. (1999). Социальная история России. Т. 1. С.-Петербург, ДБК.

Миронов Б.Н. (2014) Российская империя: от традиции к модерну. В трех томах. Т. 1. Санкт-Петербург: С.-Петербургский госуниверситет, С.-Петербургский институт истории РАН.

Муханова М.Н., Жвитиашвили А.Ш., Бессокирная Г.П. (2013). Российское село. Социально-структурные процессы от прошлого к будущему М.: URSS.

Народное хозяйство РСФСР в 1958 году: Статистический ежегодник (1959). М.: Государственное статистическое издательство.

Наумов А.С. (2014). Региональное развитие сельского хозяйства в европейских странах и в России в условиях глобальной продовольственной взаимозависимости и дефицита земляных ресурсов // Вестник РУДН. Серия Экономика. № 3. С. 63–74.

Нефедова Т. Пэллот Дж. (2006). Неизвестное сельское хозяйство России. М.: Новое издательство.

Нефедова Т.Г. (2012). Основные тенденции изменения сельского пространства России // Известия РАН. Серия География. № 3. С. 7–23.

Нефедова Т.Г. (2013). Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.:URSS.

Нефедова Т.Г. (2014). Агропромышленная концентрация в российских регионах // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. № 4 (478). С. 64–83.

Нефедова Т.Г. (2017). Двадцать пять лет постсоветскому сельскому хозяйству России: географические тенденции и противоречия // Известия РАН. Серия География. № 5. С. 7–18.

Никулин А.М. (2005). Новейшая гигантомания // Политический журнал. № 12 (63). С. 7–12.

Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта (2014) / Под ред. Н.Е. Покровского, Т.Г. Нефедовой. М.: Логос.

Рыбников А.А. (1929). Перенаселение и борьба с ним // Морозов М., Юньев И. (ред.) Хрестоматии «Экономическая география». Т. II. СССР. М.: Издательство коммунистического ун-та им. Я.М. Свердлова. С. 60–111.

Сен А. (2004). Развитие как свобода. М.: Новое издательство.

Узун В.Я. (2017). «Белые пятна» и неиспользуемые сельхозугодья: что показала сельскохозяйственная перепись 2016 г. // Мониторинг. № 21 (59). С. 14–21.

Фадеева О.П. (2015). Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН.

Хамфри К. (2010). Постсоветские трансформации в азиатской части России. М.: Издательство «НАТАЛИС».

Шагайда Н.И., Узун В.Я. (2015). Продовольственная безопасность в России: мониторинг, тенденции и угрозы М.: ИД «Дело», 2015.

Чаянов А.В. (1989). Крестьянское хозяйство. М.: Экономика.

Bicanic R. (1972). Turning Points in Economic Development. The Hague. Paris: Mouton.

Redfield R. (1973). The Little Community and Peasant Soiciety and Culture. Chicago & London: The university of Chicago press.

Contemporary peasant economy in the rural-urban environment

Tatyana Nefedova, DSc (Geography), Chief Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; 119017, Moscow, Staromonetny Per., 29. E-mail: trene12@igras.ru

The article considers features of contemporary Russian households under the concentration of large enterprises and polarization of the countryside. The author compares farms at the beginning and in the middle of the twentieth century to show that many factors determining the households' life a century ago are still active. The article describes features of today's small households and farmers and their main types; identifies their variety in the Non-Black Earth, southern and eastern regions, in the suburbs and on the periphery. Among the factors affecting activities of population in households, the author focuses on the degree of rural depopulation, rural ethnic composition, and interaction between households and large agricultural enterprises. Thus, inefficient enterprises were not replaced by small farms due to the gradual decrease of agricultural activities of rural population. There is a significant share of the unused land with an exception of some southern regions, which proves that land is not the key factor in enhancing agricultural activities of small farms. However, the agricultural land use of gardeners is very intensive except for the suburbs of Moscow and Saint Petersburg. The greatest activity is typical for farms with high marketability, including "shadow farms", and for subsistence households following peasant traditions and partially self-sufficient.

Keywords: peasant farm; agricultural enterprises; farmers; household plots; gardeners; land use; livestock.

References

Barsukova S.Ju. (2016) Dilemma "fermery–agroholdingi" v kontekste importozameshhenija [The dilemma "farmers–agroholdings" under the import substitution]. *Obschestvennye Nauki i Sovremennost,* no 5, pp. 63–74.

Bicanic R. (1972) *Turning Points in Economic Development*. Paris: Mouton.

Chayanov A.V. (1989) *Krestjanskoe khozjajstvo* [Peasant Economy]. Moscow: Ekonomika.

Fadeeva O.P. (2015) *Selskie soobshhestva i hozjajstvennye uklady: ot vyzhivanija k razvitiju* [Rural Communities and Economic Structures: From Survival to Development]. Novosibirsk: IEOPP SO RAN.

Humphry C. (2010) *Postsovetskie transformatsii v aziatskoj chasti Rossii* [Post-Soviet Transformations in the Asian Part of Russia]. Moscow: Izdatelstvo "NATALIS".

Kalugina Z.I. (2001) *Paradoksy agrarnoj reformy v Rossii: Sociologicheskij analiz transformacionnyh protsessov* [Paradoxes of the Agrarian Reform in Russia: A Sociological Analysis of Transformation Processes]. Novosibirsk: IEOPP SO RAN.

Kalugina Z.I. (2003) Selskoe predprinimatelstvo v sovremennoj Rossii: institutsionalnye osnovy i socialnye praktiki [Rural entrepreneurship in contemporary Russia: Institutional framework and social practices]. *Rossija, kotoruju my obretaem: Issledovanija Novosibirskoj ekonomiko-sociologicheskoj shkoly*. Novosibirsk: Nauka.

Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. (2016) Rol migratsii v usilenii kontrastov rasselenija na munitsipalnom urovne v Rossii [The role of migration in aggravating contrasts of resettlement at the municipal level in Russia]. *Izvestija RAN. Serija Geografija,* pp. 46–59.

Mironov B.N. (1999) *Socialnaja istorija Rossii* [Social History of Russia], vol. 1. Saint Petersburg: DBB.

Mironov B.N. (2014) *Rossijskaja imperija: ot traditsii k modern* [Russian Empire: From Traditions to Modernity], vol. 1. Saint Petersburg: SPmGU, SPbII RAN.

Mukhanova M.N., Zhvitiashvili A.Sh., Bessokirnaya G.P. (2013) *Rossijskoe selo. Socialno-strukturnye processy ot proshlogo k budushhemu* [Russian Village. Social-Structural Processes from Past to Future]. Moscow: URSS.

Narodnoe hozyajstvo RSFSR v 1958 godu: Statisticheskij ezhegodnik [National Economy of the RSFSR in 1958: Statistical Yearbook] (1959). Moscow: Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatelstvo.

Naumov A.S. (2014) Regionalnoe razvitie selskogo hozjajstva v evropejskih stranah i v Rossii v uslovijah globalnoj prodovolstvennoj vzaimozavisimosti i defitsita zemljanyh resursov [Regional development of agriculture in European countries and Russia under the global food interdependence and shortage of land]. *Vestnik RUDN. Serija Ekonomika*, no 3, pp. 63–74.

Nefedova T. Pallot J. (2006) *Neizvestnoe selskoe hozjajstvo Rossii* [Russia's Unknown Agriculture]. Moscow: Novoe izdatelstvo.

Nefedova T.G. (2012) Osnovnye tendentsii izmenenija selskogo prostranstva Rossii [The main trends in the transformation of the rural space of Russia]. *Izvestija RAN. Serija Geografija,* no 3, pp. 7–23.

Nefedova T.G. (2013) *Desjat aktualnyh voprosov o selskoj Rossii: otvety geografa* [Ten Actual Questions about Rural Russia: Answers of a Geographer]. Moscow: URSS.

Nefedova T.G. (2014) Agropromyshlennaja kontsentratsija v rossijskih regionah [Agro-industrial concentration in Russian regions]. *EKO,* no 4, pp. 64–83.

Nefedova T.G. (2017) Dvadtsat pjat let postsovetskomu selskomu hozjajstvu Rossii: geograficheskie tendentsii i protivorechija [Twenty-five years of the post-Soviet agriculture in Russia: Geographical trends and contradictions]. *Izvestija RAN. Serija Geografija,* no 5, pp. 7–18.

Nikulin A.M. (2005) Novejshaja gigantomanija [The newest gigantomania]. *Politicheskij Zhurnal,* no 12, pp. 7–12.

Potentsial Blizhnego Severa: ekonomika, ekologija, selskie poselenija. K 15-letiju Ugorskogo proekta [Potential of the Near North: Economy, Ecology, and Rural Settlements. To the 15th anniversary of the Ugric Project] (2014). Pod red. N.E. Pokrovskogo, T.G. Nefedovoy. Moscow: Logos.

Redfield R. (1973) *The Little Community and Peasant Society and Culture*. Chicago & London: The University of Chicago Press.

Rybnikov A.A. (1929) Perenaselenie i borba s nim [Overpopulation and the fight against it]. Morozov M., Juniev I. (red.) *Hrestomatiya "Eekonomicheskaja geografija",* vol. II. SSSR. Moscow: Izdatelstvo kommunisticheskogo un-ta im. Ja.M. Sverdlova, pp. 60–111.

Sen A. (2004) *Razvitie kak svoboda* [Development as Freedom]. Moscow: Novoe izdatelstvo.

Shagaida N.I., Uzun V.Ja. (2015) *Prodovolstvennaja bezopasnost v Rossii: monitoring, tendentsii i ugrozy* [Food Security in Russia: Monitoring, Trends, and Threats]. Moscow: Izdatelskiy Dom “Delo”.

Uzun V.Ja. (2017) “Belye pjatna” i neispolzuemye selhozugodja: chto pokazala selskohozjajstvennaja perepis 2016 g. [“White spots” and unused farmlands: What the agricultural census of 2016 showed]. *Monitoring*, no 21, pp. 14–21.

Vserossijskaja selskohozjajstvennaja perepis 2016 goda. (2017) Predvaritelnye itogi Vserossijskoj selskohozjajstvennoj perepisi 2016 goda po Rossijskoj Federatsii [Preliminary Results of the All-Russian Agricultural Census of 2006 for the Russian Federation]. Moscow: IIC “Statistika Rossii”, vol. 1.

Vserossijskaja selskohozjajstvennaja perepis 2016 goda. (2017). Predvaritelnye itogi Vserossijskoj selskohozjajstvennoj perepisi 2016 goda po sub’ektam Rossijskoj Federatsii [Preliminary Results of the All-Russian Agricultural Census of 2006 for the Subjects of the Russian Federation]. Moscow: IIC “Statistika Rossii”, vol. 2.